

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Апальковой Елизаветы Сергеевны
на тему: «Типология русской магической прозы: повести и рассказы 1920-
х годов» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»

Актуальность оппонируемой работы определяется несколькими факторами. Во-первых, при относительной изученности прозы 1920-х годов, созданной писателями «первого» ряда, в тени остались прозаики так называемого «второго» ряда; их произведения нуждаются в литературоведческом анализе и включении в литературный процесс.

Во-вторых, нет обобщающих исследований, посвященных исследованию произведений, которые по своему художественному методу и поэтическим принципам отличаются от произведений, вошедших в литературный мейнстрим 1920-х годов. Можно ли их объединить в определенный «направленческий», жанровый или какой-либо иной кластер, или их разнородность не позволяет это сделать?

И наконец, в-третьих, в настоящее время в филологической науке остается дискуссионным вопрос о художественной методологии в целом и индивидуальных писательских методах, в частности (в том числе, применительно и к прозаикам, ставшим объектом диссертационного рассмотрения Е.С. Апальковой).

Диссертантка в целом разрешает все вышеперечисленные проблемы, поэтому ее диссертация обладает **несомненной новизной**. Впервые в науке Е.С. Апалькова предпринимает плодотворную попытку системно описать типологию магической прозы на материале малой прозы А. Грина, П. Муратова, А. Чаянова, С. Кржижановского и других авторов, рассмотрение которых до сих пор оставались на литературоведческих «задворках». И делает это диссертантка с опорой на субъектно-объектные, мотивно-образные и сюжетно-хромотопические особенности идиопозитики каждого из авторов. И именно работа Е.С. Апальковой имеет все шансы стать **парадигмообразующей**, так как диссертантка изучает феномен магической прозы системно, на обширном материале.

Отмечу и **теоретико-методологическую** платформу исследования. Сегодня существует множество терминов, обозначающих вторжение необъяснимого в реалистическое повествование, это: магический реализм, фантастический реализм, мистический реализм, духовный реализм, трансцендентальный реализм, метафизический реализм, христианский реализм и т.д. Очень важно, что приступая к изучению творчества писателей 1920-х

годов, Елизавета Сергеевна делает акцент на терминологической проработке этой сложной проблемы. Она весьма осторожно использует терминологию, связанную с понятием художественный метод, но исчерпывающе полно разбирается с самим феноменом «магическая проза», рассматривая ее в нескольких измерениях (1-я глава).

Во-первых, это генезисное – историко-литературное – измерение. Диссертантка исследует истоки фантазмагорической манеры письма и находит их в романтическом дискурсе, и прежде всего в творчестве Э.Т.А. Гофмана. Более того, она – на основании анализа произведений немецкого романтика – формирует семиотическое ядро магической прозы. Именно гофмановский канон, по ее разумению, стал одним из важнейших истоков дальнейшего фреймирования малой прозы, ориентированной на вторжение необъяснимого, чудесного в, казалось бы, реалистическое повествование.

Во-вторых, Е.С. Апалькова не ограничивается диахроническим измерением, но дополняет его синхроническим анализом. Она реконструирует философский и литературный контекст Серебряного века и постреволюционного времени, отмечая в нем мистические настроения и склонность к магическим практикам, и здесь же дает лапидарный, но вместе с тем емкий обзор авторов 1910-х – 1920-х годов, творчество которых содержит магические и фантазмагорические черты. Таким образом, исследуемые в последующих главах авторы оказываются вписанными в обширный кодифицированный ряд других прозаиков, произведения которых содержат магическую составляющую. В установлении родословной русской магической прозы и обосновании ее типологии в 1920-е годы мне видится весьма **существенное достижение** автора работы.

Кроме того, в первой главе работы предлагаются еще два измерения рассмотрения феномена магической прозы. Елизавета Сергеевна делает смелую попытку идентифицировать понятие *магии* и отделить его от сходных понятий, связанных с вторжением в художественный мир сверхъестественного. И в заключении главы она останавливается на жанровой характеристике магической прозы. Мне представляется, что делает она это несколько преждевременно (я остановлюсь на этом ниже), однако я не могу не отметить большую **ценность** подпараграфа 1.4.2, в котором вычленяются мотивно-образные и сюжетные константы, играющие определяющую роль в формировании жанрового облика магической прозы.

Три последующие главы посвящены анализу магической прозы Александра Грина, Павла Муратова и Александра Чаянова.

В каждой из глав прослеживается общая доминанта, структурирующая материал, это – вычленение магического субстрата (на персонажном, вещном, сюжетно-композиционном и хронотопическом уровнях) в прозе избранных прозаиков. Именно нахождение и скрупулезный анализ сверхъестественных

элементов и тождественных принципов их воплощения обуславливает репрезентацию типологического родства магической прозы А. Грина, П. Муратова и А. Чайнова. Это и обеспечивает **высокую степень обоснованности научных положений и результатов работы**, целью которой и ставилось доказательство типологической общности художественных миров означенных прозаиков.

Однако, по мере углубления в рецензируемую работу начинаешь понимать, что нахождение черт магического сходства в анализируемых произведениях – важная, но не единственная задача диссертантки.

В каждой «практической» главе она ищет и находит у каждого из авторов ярко специфические черты воплощения магической «материи». И в ходе своего анализа Елизавета Сергеевна делает ряд любопытных открытий, обогащающих теорию и историю литературы.

У Грина (прозе которого посвящена 2-я глава) – это *психологический* формат отражения магии, которая может быть истолкована в двух изводах: в сугубо реалистическом (и тогда магические элементы выступают в статусе болезненного бреда, сна, видения и пр.) или, напротив, – в мистико-магическом (и тогда сверхъестественные начала, выступают в статусе «денотатов» онтологического взрыва, разрушающего привычную картину реальности. Балансирование на грани этих двух интерпретационных возможностей, доказывает диссертантка, составляет специфичнейшую черту магической прозы Грина, прослеженную на материале рассказов «Фанданго», «Ученик чародея», «Серый автомобиль», «Клубный арап» и др., но наиболее ярко проявившуюся в «Крысолове». Кстати, не могу не отметить ювелирную филигранность анализа диссертантки этого, одного из лучших, рассказов Александра Грина.

К Павлу Муратову диссертантка подходит с совершенно иными, не психологическими, а *эстетическими* критериями (3-я глава). И это правомерно. Ведь автор «Магических рассказов» – известный искусствовед, специализирующийся на европейской, и в частности, итальянской живописи. Е.С. Апалькова дает абрис его личности, его эстетических достижений и устремлений, и только потом приступает к анализу его прозы. Она приходит к выводу о том, что Муратов реализовывал в своей прозе эстетические фантазии, своего рода «сны искусства», посвященные вечным проблемам бытия – жизни и смерти, вмешательству рока, превратностям любви и пр. Для него, как показывает диссертантка, магия – это своего рода инструмент познания, гносеологическая попытка измерить границы бытия и двойственную природу человеческого сознания. Именно поэтому, как тонко замечает исследовательница, демонические персонажи «отражают темную сторону души героев» (т. 2, с.61).

Глава изобилует массой интересных наблюдений, суждений и выводов о художественном мире «Магических рассказов» Муратова, об эстетическом модусе репрезентации сверхъестественного (преломленного в том числе и через вещные образы, например, зеркало), о магической роли искусства в жизни человека, о новеллистичности как жанровой специфике малой прозы Муратова, о роли итальянской традиции, о синергетичности и мифопоэтичности стилевой манеры автора и т.д. Новизна и наукоемкость материала этой главы, помимо отмеченных выше достижений, связана еще с тем, что в столь полном объеме и оригинально интерпретированном ракурсе Павел Муратов как прозаик еще не был представлен в литературоведческом дискурсе.

Заключительная (4-я) глава посвящена малой прозе Александра Чаянова. И автор диссертации опять-таки находит новый – *неоромантический* – угол зрения при рассмотрении объекта исследования. Елизавета Сергеевна анализирует художественный мир Чаянова через призму романтизма, точнее, сквозь гофманианскую призму. И этот подход оказался чрезвычайно перспективным для раскрытия именно чаяновской специфики. Автор убедительно доказывает следование Чаянова гофмановской традиции, обнаруживаемой и в отождествлении чудесного и реалистического, и в особом статусе отображения магического (в красках «сумеречной фантастики»), и в стилизации художественной манеры немецкого романтика, и в подражании его принципам обрисовки героев и причудливым сюжетным ходам.

Однако, Чаянов, по глубокой мысли диссертантки, не растворяется в своем гениальном предшественнике: он творчески усваивает мировидение и художественную манеру Гофмана и проецирует их на современную действительность. Диссертантка, опираясь на суждения А.З. Вулиса и Н.М. Солнцевой убедительно доказывает, что русская «гофманиана» А.В. Чаянова есть аллюзия на реальность первой трети XX века, носившей в глазах автора тот же трагический, фантазмагорический характер (с. 282-284).

Автор диссертации делает ряд ценных наблюдений и выводов, касающихся специфики поэтики чаяновской магической прозы (использование приемов гротеска, хронотопа карнавала, театрального представления и т.п.). Чрезвычайно интересны и точны суждения о мотивно-образной генеалогии Чаянова. Так, анализируя «Парикмахерскую куклу...», Е.С. Апалькова находит переключки этой повести и с «Песочным человеком» Гофмана, и с античным мифом о Пигмалионе и Галатее и с близнечными мифами.

Не менее важны суждения о жанровой генеалогии. Чаянов, по разумению Елизаветы Сергеевны, использует набор романтических жанровых клише, в частности, приемов готического и авантюрного романа. Эта жанровая стратегия позволяет ему показать сверхреальность бытия, тесно сопряженную с духовной сферой человека, с логикой его желаний и страстей. Семантика

сверхъестественного, с одной стороны, оказывается инструментом, вскрывающим потаенную сторону души человека, сферу его подсознания, с другой стороны, она кодирует некие всеобъемлющие законы жизни и судьбы.

Заключение диссертации содержит ключевые **выводы, достоверно аргументированные в ходе анализа и полностью подтверждающие положения, выносимые на защиту.** Реализация заявленной темы оказалась шире литературоведческой проблематики, поэтому в **методологический** остов диссертации удачно вписались идеи и концепции из смежных и пограничных отраслей знания: психологии, искусствоведения, мифологии, фольклористики, культурологи и пр., что является свидетельством высокой исследовательской культуры диссертанта. Отдельного **методологического** одобрения заслуживает скрупулезная работа с научными источниками: многие из них не только указаны, но и отреферированы; так что библиографическая база может служить подспорьем для исследователей магической прозы русской и зарубежной, классической и современной.

Перед нами работа **теоретически** выверенная и тщательно продуманная концептуально. Она представляет собой не соединение разрозненных блоков, а логически выстроенную систему, в которой каждый компонент работает на общий смысл. Поэтому выводы, сделанные диссертанткой, проливают свет и на ряд общих вопросов писательского мировидения и художественной методологии.

Важно и то, что диссертантке удается подняться до глобальных обобщений на уровне онтопоэтики, показать, как скрытые смыслы работают в единстве и как сюжетные ситуации или вещные артефакты (карты, зеркала, картины, куклы) кочуют из одного текста в другой не только в творчестве одного писателя, но и в творчестве целого ряда авторов, работающих в единой «магической» парадигме. Таким образом, здесь можно вести речь об образовании особого рода коллективного сверхтекста.

Сколько-нибудь серьезных просчетов и неточностей автора я не вижу, но по долгу оппонента два момента все же отмечу.

1. Возможно, не стоило в 1-й главе слишком резко отделять понятия магического и мистического, в ряде случаев они перекрывают друг друга. Мистическое – это не обязательно религиозное, эзотерическое, орфическое, священное, связанное с религиозным чудом явление, это еще и сверхъестественное, потустороннее, таинственное, сверхобычное, фантазмагорическое. Не трудно заметить, что 5 последних дефиниций проецируется (в том числе и в рецензируемой работе) и на *магическое* начало.

Несколько резкое разведение *магического* и *мистического* чревато аналитическими перекосами в истолковании художественного материала. Предлагается не противопоставлять *мистическую* и *магическую* прозу, эти

явления скорее коррелируют, взаимодействуют друг с другом. Вспомним, что термин «магический реализм», появившийся в связи с всплеском латиноамериканской прозы, оказывается калькой с дефиниции «magical realism», где magical означает «волшебный, магический». А функция мифа как магической универсалии, двойничество, зеркальность, и прочие черты магической прозы (вычлененные диссертанткой) с тем же основанием можно отнести и к мистическим прозе.

2. Жанровый анализ я бы посоветовала перенести в финал работы, чтобы не получилось, что практика подгоняется под теорию. И строго говоря в жанровом анализе не хватает завершения. Дело в том, что констатация метажанров или видов прозы, таких, как повесть, рассказ и новелла ничего существенного не дают для истолкования исследуемого материала. Их генеалогическая дифференциация важна (романтическая / фантастическая / петербургская / итальянская повесть), однако она слишком семантически расплывчата и многозначна. В то время как анализ, проделанный в «практических» главах, выявляет комплекс устойчивых деталей, сюжетов и мотивов, генерирующих жанр *магического рассказа, магической новеллы, магической повести*. И этот важнейший вывод о новом жанровом образовании, гипотетически намеченный в финале теоретической главы и доказанный всем ходом исследования, следовало бы ввести и в положения, выносимые на защиту, и в Заключение. Это инновационный, теоретически и методологически ценный результат работы.

Вместе с тем, указанные замечания ни в какой мере не умаляют значимости рецензируемой работы, являющейся **самостоятельным, оригинальным, теоретически и практически значимым исследованием, открывающим новые пути изучения творчества А. Грина, П. Муратова, А. Чаянова, так и в целом художественных систем в русской прозе XX века в ее связях с предшествующей традицией.**

Автореферат в полной мере отвечает тексту и смыслу диссертации, хотя и не исчерпывает ее содержания. Причина тому – смысловая плотность рецензируемой работы в сочетании с ограниченностью объема, требуемого от реферата. Авторские публикации полностью отражают результаты и материалы работы.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно

приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Апалькова Елизавета Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории журналистики и литературы
факультета журналистики

ОЧУ ВО «Московский университет

имени А.С. Грибоедова»

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна _____

27.03. 2023

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21. Московский университет
имени А.С. Грибоедова, факультет журналистики. Тел.: +7 (495) 673-7371; e-
mail: impe.griboedova@mail.ru